

На правах рукописи

Матвеев Сергей Рафисович

**ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОКИ ФРАНЦУЗСКОГО ЛИБЕРАЛЬНОГО
КОНСЕРВАТИЗМА (Ф. ГИЗО, А. ТОКВИЛЬ)**

Специальность 09.00.03 – История философии

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук**

Москва 2014

Работа выполнена в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего профессионального образования Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики на кафедре истории философии факультета философии.

Научный руководитель: **Савельева Ирина Максимовна**, доктор исторических наук, ординарный профессор кафедры истории идей и методологии исторической науки факультета истории Национального исследовательского университета Высшая школа экономики

Официальные оппоненты: **Козырев Алексей Павлович**, кандидат философских наук, доцент кафедры истории русской философии философского факультета Московского государственного университета

Шнейдер Константин Ильич, доктор исторических наук, профессор кафедры Древней и Новой истории России исторического факультета Пермского национального исследовательского университета

Ведущая организация: **Балтийский федеральный университет им. И. Канта**

Защита состоится « » 2015 г. в часов на заседании диссертационного совета Д 212.048.12 при Национальном исследовательском университете Высшая школа экономики по адресу 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВПО Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики.

Автореферат разослан « » декабря 2014 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат философских наук

Горбатова Юлия Валерьевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Французская история конца XVIII – начала XIX века дала беспрецедентный пример социально-политических трансформаций, осуществившихся в течение жизни одного поколения. В 1789–1851 гг., т.е. за шестьдесят два года, во Франции произошло три революции, было принято десять конституций, провозглашено три конституционные монархии, две республики, одна империя. Страна стала своего рода политической лабораторией, в которой сталкивались, взаимодействовали и трансформировались философские идеи, политические теории и идеологии. Тем не менее, на фоне насыщенной событиями, яркой французской истории отрезок 1814–1851 гг. часто воспринимается исследователями как серое пятно или случайное и мимолетное межвременье, в том числе и в области политической мысли, заурядность которой противопоставляется блеску Просвещения. Многие интеллектуалы посленаполеоновской Франции просто преданы забвению, а их наследие нуждается в реинтеграции в философское поле.

Оригинальные политические мыслители и теоретики французского либерального консерватизма Франсуа Гизо (1787–1874) и Алексис Токвиль (1805–1859) далеко не в равной степени признаны академическим сообществом. Философия Гизо долгое время оставалась малоизвестной политическим теоретикам англоязычного мира. В корпус научной классики благодаря ярким дарованиям автора вошли исторические работы. Однако политические трактаты Гизо, выражавшие «дух эпохи», беспокойного и необычайно динамичного периода 1789–1851 гг., остаются малоизвестным разделом его интеллектуального наследия. Имя этого мыслителя не появляется ни в одной крупной антологии политической мысли, а большинство его политических сочинений никогда не были переведены на какие-либо языки. Ни одну ссылку на Гизо невозможно найти в престижной «Блэквеловской энциклопедии политической мысли», которая содержит пространные статьи даже по поводу очень малоизвестных фигур. Кроме того, случайные ссылки историков философии на Гизо обычно дают представление о нем как о незначительном политическом мыслителе второго ряда.

На этом фоне, в исследованиях интеллектуальной среды посленаполеоновской Франции более заметна фигура Токвиля, автора «Демократии в Америке», знаменитого «историка и философа, либерала и консерватора», удивлявшего и продолжающего удивлять многих современностью своих идей и прогнозов относительно самоуправления, индивидуализма, равенства, свободы и траектории развития политических систем. О признании Токвиля свидетельствует его возведение в корпус классики сразу нескольких

дисциплин. Попытка ответить на вопрос о причинах такой успешности побуждает исследовать интеллектуальную сеть, в которую он был включен, извлекая из небытия длинный список забытых имен политических теоретиков, находившихся в зените славы и влияния в период 1815–1851 гг. Изучение французского либерального консерватизма невозможно без понимания идей Токвиля, а понимание Токвиля невозможно без реконструкции его окружения, основу которого составляло общество доктринёров во главе с Франсуа Гизо. Работы Токвиля стали каналом, через который многие идеи его «учителей» влились в современный политический дискурс. Правда, сейчас их авторство и истоки не идентифицируются.

Либеральный консерватизм представляет собой важную часть французской политической мысли и общественной жизни XIX века. Изучение этой традиции позволяет воссоздать разнонаправленный процесс становления гражданского общества и правового государства в периоды Третьей, Четвертой и Пятой республик. Философские идеи и публикации Гизо и Токвиля участвовали в этом строительстве в качестве теоретического фундамента либерального консерватизма. Поскольку либеральный консерватизм стал влиятельным политическим направлением в социальной жизни XX века, его теоретические основания, то есть интеллектуальный и политический опыт Гизо и Токвиля нуждается в осмыслении и обсуждении.

Актуальность работы в российской среде очевидна особенно сегодня, когда наметился поворот к консервативной идеологии в ее самых разных формах. Ничто не может лучше сформировать представление о либеральном консерватизме, чем исследование его философских истоков. Более того, необходимо исследовать либеральный консерватизм в его разных национальных формах – в том числе и его французский вариант.

Цель исследования – реконструировать философские основания французского либерального консерватизма через анализ ключевых понятий, а также проблем свободы, равенства, власти, суверенитета, телеологии и историософии в работах Франсуа Гизо и Алексиса Токвиля. Такая реконструкция требует тщательной контекстуализации их теорий в политическую реальность и интеллектуальную культуру Франции первой половины XIX века.

Поставленная цель предопределила следующие **задачи исследования**:

- выявить предпосылки для рождения идеологий в целом и либерального консерватизма в частности в эпоху Реставрации и Июльской монархии;
- восстановить «интеллектуальные сети», включавшие политических мыслителей посленаполеоновской Франции и определить места Гизо и Токвиля в философском ландшафте;

- установить истоки философских воззрений указанных мыслителей;
- провести семантический анализ ключевых понятий их политических теорий;
- проанализировать историософию, основные проблемы и положения политической и социальной философии указанных мыслителей.

Объектом исследования является французская интеллектуальная и политическая культура и, прежде всего, движение либерального консерватизма. **Предмет исследования** – философские воззрения Гизо и Токвиля, их роль в становлении французского либерального консерватизма.

Хронологические рамки диссертации охватывают период становления либерального и консервативного движения во Франции: от начала Французской революции (1789) до провозглашения Второй империи (1851). Конечно, хронологические границы в данном исследовании не могут быть жесткими. Зарождение консервативного движения связывают с реакцией на начало Революции 1789 г., а либеральное движение заявляет о себе в предреволюционные годы, когда уже были ясны основные постулаты теории и появились первые политики, готовые реализовать их на практике. Многие значительные работы Гизо («О демократии во Франции») и в первую очередь его мемуары, а также «Старый порядок и революция» Токвиля появились после 1851 г., и реакция либерально-консервативного движения на эти сочинения выходит за пределы установленных хронологических рамок. Однако датировка либерального консерватизма первой половиной столетия представляется уместной в свете выдвигаемых задач: Гизо и Токвиль принадлежали к поколению, детство и юность которого пришлось на годы Революции и Империи; возможность для реализации либеральных и консервативных идей появилась лишь при Реставрации, когда идеологии начали обретать определенную политическую структуру. Июльская монархия стала временем политического воплощения либерального консерватизма (орлеанизм). Февральская революция 1848 г. привела к политической гибели его главного идеолога – Гизо, её же последствия во многом не удовлетворяли Токвиля. Однако пик политической карьеры последнего пришелся на годы Второй республики (1848–1851), которой он служил в должности министра иностранных дел (1849).

Теоретическая и методологическая основа исследования. Настоящее исследование носит междисциплинарный характер, потому что интеллектуальное наследие Гизо и Токвиля принадлежит философии, истории, социологии, политической науке. Междисциплинарность предмета создает определенную методологическую трудность и одновременно стимул для её разрешения. В диссертации отсутствует единая теория, в разных её разделах используются методы ряда ведущих концепций, созданных социологами, философами и историками.

При реконструкции интеллектуального ландшафта посленаполеоновской Франции применяется комплекс методов *сетевого анализа*, представленных в теории Р. Коллинза. Гипотеза сетевого подхода Коллинза состоит в предположении о непосредственном социальном влиянии сетевой структуры отношений между мыслителями на конструирование идей. Метод Коллинза предполагает: 1) сбор большого количества исторических описаний некоторой области культурного производства, т.е. традиционное формирование источниковой и историографической базы; 2) ранжирование интеллектуалов в соответствии с долей внимания, полученной ими у современников и в позднейших исторических источниках; 3) исследование личных связей между философами с целью определить отношения между учителем и учеником, коллегами, друзьями, противниками, врагами, особенно на ранних формативных стадиях жизненных карьер. Специфика исторических источников предопределяет возможную нестабильность сетевых схем, построенных методом Коллинза, а именно обнаружение новых данных может скорректировать отдельные фрагменты сетей или изменить всю картину. Однако подобная ситуация характерна для истории мысли в целом и не является ограничением исключительно сетевого подхода.

При реконструкции системы понятий в политических теориях Гизо и Токвиля используются принципы и методы *истории понятий*, разработанные Р. Козеллеком. Он исходил из того, что, независимо от первоначального употребления, каждое понятие обладает множеством темпоральных наслоений, смысл которых имеет силу на протяжении различных промежутков времени. Бесконечные попытки уточнить, «что об этом писал Аристотель», часто лишь отдают дань формальному подходу. Между обществом и языком существует неразрывная связь: язык является непосредственным отражением как существующих реалий, так и происходящих в обществе перемен. Понятия же представляют собой единства, стоящие над словами и связывающие между собой слова и элементы реальности. Можно выделить три типа источников, которые история понятий использует для своих реконструкций. Во-первых, источники, характеризующиеся темпоральной неповторимостью (например, газеты, изначально рассчитанные на некий короткий промежуток времени). Во-вторых, словари и энциклопедии, содержащие нормативную и «долговечную» информацию. Они открывают собой постепенно развивающуюся серию, где каждый новый словарь копирует предыдущие издания и вносит небольшие, но важные изменения. В-третьих, выдающиеся тексты (философские трактаты, литературные сочинения, исторические исследования и т.д.), послания которых направлены на утверждение определенной истины. Эти тексты становятся интеллектуальными маркерами эпохи и несут в себе важную информацию о понятиях своего времени. Специфика

настоящего исследования предполагает работу именно с третьим типом источников, что несколько нарушает логику, предложенную Козеллеком, но оправдано в свете поставленных задач.

История идей позволяет реконструировать процесс создания, сохранения и изменения основных философских принципов либерального консерватизма Гизо и Токвиля. Основу метода составляет исследование единичных идей, которые вступают в новые сочетания друг с другом и меняют формы выражения, оставаясь относительно неизменными.

В исследовании также были использованы общенаучные методы: *структурно-функциональный, системный и личностно-психологический*.

Использование структурно-функционального метода позволяет изучить политическую историю Франции как некую целостность, обладающую сложной структурой, где каждый элемент системы выполняет определенные функции, удовлетворяющие потребности системы.

Изучение политической истории Франции на основе системного метода позволяет выделить различные группы внутри правящей элиты Франции и широких кругов оппозиции, проследить суть разногласий внутри либерально-консервативного (орлеанистского) блока, а также между либерал-консерваторами и их политическими оппонентами. Такой подход дает возможность выявить соотношение теоретического компонента и его практической составляющей в конкретных внешнеполитических акциях либералов-орлеанистов.

При рассмотрении биографии, истоков мировоззрения, политической карьеры Гизо и Токвиля используется личностно-психологический подход. Он делает возможным изучение личностных факторов, оказывающих влияние на деятельность французских мыслителей и на их взаимоотношения с различными интеллектуальными и политическими кругами. Подход позволяет учесть психологические особенности, повлиявшие на взгляды и деятельность интеллектуалов.

Степень разработанности проблемы. Решение поставленных исследовательских задач невозможно без обращения к работам французских (Р. Арон, А. Барду, Ф. Бенетон, Г. Брольи, Ж. Голстейн, А. Жарден, Л. Жирар, Л. Дельбе, К. Лефор, Ф. Мелонио, А. Мишель, Ж. Нант, М. Прело, Ш. Путас, Р. Ремон, П. Розанваллон, А.-Ж. Тудеск, Р. Фоссар, Ф. Фюре, К. Шарль), английских (Е. Гарган, Дж. Голторп, Д. Джонсон, Дж. МакКлиен, Л. Макфарлан), американских (М. Кокс, А. Крейуту, Л. МакГирр, С. Меллон, Р. Нисбет, У. Риди, К. Робин, Р. Солто), испанских (Л. Диез дель Корраль), итальянских (Р. Поцци), немецких (Н. Больц, Л. фон Мизес), голландских (Ф. Анкерсмит), канадских (У. Кимлика,

К. Макферсон) и российских (А.С. Алексеев, М.А. Алпатов, В.А. Бутенко, В.М. Далин, И.О. Дементьев, С.А. Исаев, Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, Г.И. Мусихин, Б.Г. Реизов, А.М. Руткевич, А.М. Салмин, Т.П. Таньшина, М.М. Фёдорова, Е.И. Федосова) исследователей, посвященным различным аспектам жизни и творчества Гизо и Токвиля, интеллектуальной культуре посленаполеоновской Франции, а также проблемам французского либерального консерватизма.

Необходимо отметить неодинаковую освоенность интеллектуального наследия Токвиля и Гизо. Если Токвиль – признанный философ, классик социологии, истории, политической науки, то политическая философия великого историка Гизо осталась малоизвестной в англосаксонской традиции, да и в глазах французских исследователей провал государственного деятеля дискредитировал его как политического теоретика.

Несмотря на внушительное количество работ, посвященных жизнеописаниям, общефилософским и политическим воззрениям Гизо и Токвиля, до сих пор не изучено систематически влияние политической теории Гизо на философию Токвиля. Великий историк Гизо практически не рассматривался как оригинальный философ и политический теоретик, поэтому, нам кажется, что работа по реинтеграции его наследия в философское поле еще предстоит. По-прежнему сохраняется неопределенность относительно воздействия интеллектуальной культуры периода Реставрации и Июльской монархии на формирование общефилософских и политических воззрений Гизо и Токвиля. Недоценено значение сетевой структуры коммуникации между интеллектуалами. Важно также уточнить язык политических теорий Гизо и Токвиля, поскольку многие исследователи полагали, что используемые этими мыслителями понятия вполне типичны, встречаются у десятков других авторов, вызывают богатые ассоциации и не требуют никаких разъяснений. Однако даже такие простые на первый взгляд термины, как «свобода», «деспотизм», «равенство», «революция» у Гизо и Токвиля имеют смысл далеко не очевидный для современных авторов и обладают набором коннотаций, присущих исключительно политическому дискурсу периода Реставрации и Июльской монархии. В философской и политологической литературе существует очевидная лакуна – философские истоки французского либерального консерватизма, идеологии, оформившейся в период Реставрации и Июльской монархии, оказавшей огромное влияние как на развитие либерального государства во Франции, так и на правую мысль конца XIX – XX века.

Научная новизна диссертации определяется тем, что данная работа представляет собой первый опыт реконструкции философских истоков французского либерального консерватизма на материале политических теорий Франсуа Гизо и Алексиса Токвиля. Предпринимается попытка воссоздания интеллектуального ландшафта

посленаполеоновской Франции с помощью методов сетевого анализа, в ходе которого подтверждается идейное влияние Гизо и общества доктринёров на политическую теорию Токвиля; выясняется значение политических теорий Гизо и Токвиля как систем философских воззрений, легших в основу французского либерального консерватизма. Уточнены основные компоненты доктрины французского либерального консерватизма.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

- Французский либеральный консерватизм возник как реакция на «разрушающий либерализм» идеологов Французской революции (1789–1794) и оформился как интеллектуальное и политическое движение в эпоху Реставрации (1814–1830), когда философы стремились найти не только идеальную форму государственного устройства, но и выработать реальные средства управления.
- Политические мыслители посленаполеоновской Франции – это особая социальная группа интеллектуалов. Их размышления о свободе, справедливости, собственности, законе имеют непреходящее общетеоретическое значение, при этом постановка и решение этих проблем имеют связь с социальной реальностью периода Реставрации и Июльской монархии. Интеллектуальная среда этой эпохи создала переход от классической к постклассической политической философии, когда основной задачей политического теоретика стало не построение идеальной модели, а выработка технологии.
- В изучаемый период установился диалог между политической и интеллектуальной элитами, интенсивность которого позволяет говорить о меритократии. Произошло рождение современного феномена интеллектуальной власти, власти основанной на знании. Проведенный сетевой анализ показал, что интеллектуалы посленаполеоновской Франции объединялись в группы и клубы не столько на мировоззренческих основаниях, сколько на основе общности политической веры. Мыслители становились политически ангажированными и стремились конвертировать свой культурный капитал в политический.
- Либеральный консерватизм стал центристской политической доктриной, приверженцы которой (в первую очередь члены общества доктринёров) желали избежать искушений радикализма правого и левого толка. Сторонники данного движения были реалистами – они приняли общество, возникшее в результате Французской революции, отвергли идею реставрации Старого порядка и в то же время выступили против неконтролируемой демократии, чреватой террором. По их мнению, общественные изменения должны осуществляться с опорой на разум и без посягательств на порядок.

- Политическая философия Гизо и Токвиля сочетает в себе как либеральные, так и консервативные ценности. Во многом это связано со схожестью идейных истоков обоих мыслителей: травматический опыт Революции сформировал неприязненное отношение к экстремистским, радикальным режимам; ужас перед имперским деспотизмом открыл для них ценность свободы. Гизо и Токвиль – эмпирики или теоретизирующие практики, концептуализировавшие реальные политические проблемы своей эпохи.
- Либеральный консерватизм Гизо и Токвиля сформировался во многом как ответ на политические вызовы эпохи Реставрации и Июльской монархии и представляет собой как систему философских взглядов, так и политическую технологию. Его отличает приверженность к политической свободе, стремление сохранить завоевания Революции, рациональное восприятие текущей ситуации и страх перед новыми революционными потрясениями.
- Либеральный консерватизм Гизо и Токвиля отстаивает теорию суверенности разума и жестко критикует концепцию народного суверенитета. В частности, Гизо считает принцип народного суверенитета тождественным в стремлении к узурпации власти принципу божественного права королей. Мыслители рассматривают власть не как внешнюю по отношению к обществу силу, но как силу, возникающую в недрах социума («социальная власть»), в связи с чем, власть должна взаимодействовать со всеми гражданами посредством представительных органов и выборных институтов. Признавая значимость выборных учреждений, Гизо и Токвиль выступали за ограничения избирательного права, связывая это право с диктатом широких масс, который ведет к уничтожению свобод, усилению роли государства, политическому индифферентизму и стремлению граждан к опеке.
- Токвиль фокусировал внимание на противоречии между равенством и свободой. Мыслитель, как и многие его современники, признавал большое значение личной свободы, однако считал, что она подразумевает равенство, а также опасна изоляцией и ослаблением отдельных членов общества. Точка совпадения свободы и равенства является точкой, в которой рушатся все общественные связи, человек сосредоточен на себе и не признает никаких авторитетов. В этом состоянии индивиды становятся легкой добычей власти, внешней по отношению к обществу, использующей инструменты «тирании общественного мнения» для подчинения граждан. Для предотвращения угроз со стороны равенства есть

только одно действенное средство – политическая свобода, которая позволяет создавать ассоциации и объединения.

- Политическая философия Гизо представляет собой систему оригинальных идей, оказавших значительное влияние на политическую теорию Токвиля, в частности, и на французский либеральный консерватизм в целом. Тем самым интеллектуальное наследие Гизо не только реинтегрировалось в поле политической философии, но и оказалось у истоков влиятельной политической идеологии, что позволяет переосмыслить место Гизо в корпусе политических философов.
- Гизо стал первым социальным мыслителем, обогатившим идею среднего класса анализом его роли в реальном политическом пространстве. Он обратился к проблеме как теоретизирующий практик, и по этой причине концепция Гизо содержит ряд противоречий относительно социального состава и настоящих устремлений представителей среднего класса, а философская семантика понятия неоднозначна. Однако именно из-за таких двусмысленностей обычное слово получает независимое существование и превращается в действующую силу истории. Отсутствуя в действительности, средний класс оказался в своем идеальном выражении реальным социальным фактором.
- Гизо впервые обозначил личность как фактор цивилизации наравне с обществом и государством, тем самым совершив переворот в философии истории задолго до Р. Коллингвуда. Гизо видит поступок как внешний результат взаимодействия личности человека и социальной реальности. Для него личность каждого человека не менее значима, чем политические институты, народные движения, революции и военные баталии. То есть на одной чаше весов оказываются общество, государство и весь внешний мир, а на другой – человек, но при этом веса сохраняют баланс.

Теоретическая и практическая ценность диссертации. Теоретическое достоинство диссертации заключается, прежде всего, в синтезе ряда методологий и исследовательских подходов, позволившем реконструировать философские истоки французского либерального консерватизма. Сетевой анализ позволил установить рождение современного феномена интеллектуальной власти, власти основанной на знании.

Практическая же ценность диссертации заключается в том, что её результаты могут быть использованы для преподавания историко-научных, историко-философских и исторических, а также политических дисциплин. Уточнение ведущих ценностей и

основных положений либерального консерватизма остается востребовано в политическом пространстве.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты диссертации были апробированы на международных, всероссийских конференциях и научных семинарах:

- Доклад: «Классический либерал» или «реакционный консерватор»: рецепция политической философии Франсуа Гизо в России. Международная конференция «Чтения памяти Владимира Никифоровича Брюшинкина», Калининград, БФУ им. И. Канта, 26–27 июня 2014 г.
- Доклад: Проблема суверенитета в политической философии Франсуа Гизо. 5-я научная конференция аспирантов и молодых ученых «Философия. Язык. Культура», Москва, НИУ ВШЭ, 28–29 апреля 2014 г.
- Доклад: Идея европейского единства в философии Франсуа Гизо. Четвертый панъевропейский семинар «Идейные предпосылки и политические эффекты европейской интеграции», Калининград, БФУ им. И. Канта, 21–22 апреля 2014 г.
- Доклад: Сетевой подход как метод исследования интеллектуальной коммуникации. XXI международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов», Москва, МГУ, 9–11 апреля 2014 г.
- Доклад: Интеллектуалы посленаполеоновской Франции: опыт сетевого подхода. Семинар ИГИТИ имени А.В. Полетаева, Москва, НИУ ВШЭ, 27 ноября 2013 г.
- Доклад: Политические мыслители посленаполеоновской Франции. 4-я научная конференция аспирантов и молодых ученых «Философия. Язык. Культура», Москва, НИУ ВШЭ, 26–27 апреля 2013 г.
- Доклад: Дисциплинарное оформление социальных наук в первой половине XIX века: опыт Франции. XX международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов», Москва, МГУ, 9–13 апреля 2013 г.
- Доклад: «Средний класс» как консервативный концепт (Ф. Гизо, А. де Токвиль). Шестая всероссийская конференция «Россия и мир в кон. XIX – нач. XX вв.», Пермь, ПГНИУ, 30 января – 3 февраля 2013 г.
- Доклад: Франсуа Гизо: соотношение теории и практики. 3-я научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Философия. Язык. Культура», Москва, НИУ ВШЭ, 24–25 апреля 2012 г.
- Доклад: Когнитивные возможности воспоминаний: концепция «среднего класса» в мемуарах Ф. Гизо. XIX международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов», Москва, МГУ, 9–13 апреля 2012 г.

- Доклад: Проблема прогресса в консервативной идеологии: Ж. де Местр, Э. Берк, М. Меншиков. Пятая всероссийская конференция «Россия и мир в кон. XIX – нач. XX вв.», Пермь, ПГНИУ, 6–10 февраля 2012 г.

Публикации. По теме диссертации опубликовано 11 научных работ общим объемом 8,1 п.л. Из них три статьи напечатаны в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки России, объем статей – 3,5 п.л.

Структура диссертации соответствует поставленной цели и отражает логику решения ключевых задач научного исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка источников и литературы. В основу деления на главы положен проблемный принцип, позволяющий рассмотреть предмет исследования с разных позиций и ракурсов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении раскрывается актуальность и новизна темы; формулируются цели и задачи работы; определяются объект и предмет, а также характеризуются методы диссертационного исследования. В обзоре научной литературы, посвященной философским воззрениям Франсуа Гизо и Алексиса Токвиля, обозначены основные этапы освоения теоретического наследия этих мыслителей, а также главные направления и тенденции исследовательских работ, посвященных интеллектуальному ландшафту посленаполеоновской Франции в целом и проблеме идеологий в частности.

Глава 1 «Интеллектуальная культура Франции первой половины XIX века» посвящена реконструкции исторического и идейного контекста эпохи Реставрации и Июльской монархии. В разделе **1.1. «Социальная реальность посленаполеоновской Франции»** исследуется воздействие политического климата на формирование идеологий. Исследование в области политической философии особенно требует релевантных сведений относительно политического контекста интеллектуального производства, поскольку невозможно изучать историю политических доктрин в отрыве от истории политических институтов. В эпоху Реставрации и Июльской монархии история оказывает значительное влияние на политическую мысль, интеллектуалы ищут ответы на самые важные политические вопросы, отталкиваясь от исторического измерения, примиря философский априоризм и присущее историческому подходу уважение к неустранимой сложности фактов; при этом им удается избежать конфликта несовместимости вневременных ценностей и исторических измерений.

Легальное политическое пространство посленаполеоновской Франции состояло из ядра и периферии и было ограничено формально – нормативно-правовыми актами и

неформально – политической ситуацией в целом. Ядро легального политического пространства формируется из позиций в органах законодательной и исполнительной власти, а периферия – из политических объединений, не находящихся во власти, но признаваемых властью. Степень вхождения той или иной «партии», занимающей определенные политико-философские позиции, в это пространство определяет методы её борьбы и дух всего пространства. Функционирование политической системы Реставрации и Июльской монархии тесно связано с Хартией 1814 г. – ключевым нормативно-правовым актом эпохи, его структурой и содержанием, которые отразили политические идеи времени. Отношение к Хартии со стороны государственной власти, политических партий, клубов и общества в целом позволяет маркировать границы легального политического пространства. Талейран писал в мемуарах, что снаружи Франция казалась разделенной на ультрароялистов и либералов. В действительности политическое пространство оказалось сегментированным на множество групп и течений: ультрароялисты, роялисты-конституционалисты, либеральные консерваторы (доктринёры), либеральные демократы (независимые), республиканцы.

Цель раздела **1.2. «Интеллектуалы и идеологии посленаполеоновской Франции»** в определении значения самоорганизационных характеристик развития интеллектуального сообщества через сетевой анализ кооперации мыслителей посленаполеоновской Франции в виде групп и клубов, формировавшихся в первую очередь не по мировоззренческому, а по политическому принципу. Такой взгляд на предметное поле позволил переосмыслить место Гизо и Токвиля в ряду мыслителей посленаполеоновской Франции. Исследование деятельности интеллектуалов через призму сетевого подхода представило не только новую панораму философского сообщества, включая фигуры второго ряда, но и расширило наши знания о кооперации и коммуникации в интеллектуальной среде, а также помогло установить связь между политическими процессами, политической рефлексией и выработкой идеологий. Сетевой подход продемонстрировал включенность Токвиля в интеллектуальную сеть доктринёров, что в определенной мере подтверждает факт идейной преемственности между Гизо и Токвилем.

Глава 2 «Истоки политической философии Гизо» посвящена проблеме формирования политических и философских взглядов французского мыслителя. В разделе **2.1. «Истоки мировоззрения Гизо»** рассматриваются его мировоззренческие установки в целом. Принадлежа к протестантской семье, испытывавшей трудности во времена религиозных притеснений, он был последовательным приверженцем религиозной терпимости. Потеряв отца в годы революционного террора, Гизо отрицательно относился к политическому экстремизму, революционным потрясениям и слабому государству, которое

способно допустить народные волнения. В Женеве Гизо обрел фундаментальное образование и научился «суровой методе находить строгие связи между отдельными фактами». Швейцарские годы открыли для Гизо английскую философскую традицию и вкус к английскости в целом. Немецкую мысль, оказавшую большое влияние на исторический метод, Гизо воспринял через Ф.-А. Стаффера и его окружение, а во французские интеллектуальные круги своего времени он попал благодаря Ж.Б. Сюару и П. де Мелан. В их салонах он познакомился с последователями философии Просвещения и либеральными политиками начала Французской революции.

С одной стороны, круг чтения и общения, либеральный характер женевского образования сформировали критически мыслящего интеллектуала, с другой – Гизо с детских лет размышлял над опытом Французской революции и укрепился в уверенности, что все её злоупотребления стали следствием слабости предшествовавших якобинцам правительств. Казнь отца сделала его противником социального радикализма и «народной демократии». Во взглядах Гизо равным образом присутствовали либеральные и консервативные ценности: недоверие к слабому государству и религиозная терпимость, отрицание революционного пути развития и почтение к философии просветителей, отрицание народной демократии и ненависть к авторитарному диктату. Истоки мировоззрения Гизо лежат в области философии Просвещения, политической мысли первых лет Революции и либерально-консервативной реакции на Революцию и Империю. Главные авторы его библиотеки – Кант и Монтескье – определяют контуры его политической философии.

Раздел 2.2. «Политическая карьера Гизо». Гизо был теоретизирующим практиком, и существует неоспоримая связь между его государственной деятельностью и политической теорией, именно поэтому рассмотрение государственной карьеры философа весьма значимо при реконструкции его политической концепции. В параграфе рассматривается отношение Гизо к фигуре Наполеона. Антипатия к анархии, стремление к созданию единой нации оправдывали в глазах молодого интеллектуала многие действия императора, однако, по его мнению, последний «был революционером, несмотря на то что постоянно боролся с революцией», поскольку не желал знать никаких политических и нравственных границ.

Участвуя в дискуссиях, предваривших возвращение старой династии, Гизо активно использует легитимистские аргументы в пользу Реставрации, в частности, утверждая, что Бурбоны принесут Франции мир внутренний и внешний.

При подготовке проекта закона «О свободе книгопечатания» (1814) впервые дало о себе знать либерально-консервативное понимание свободы у Гизо. Этот закон, по сути

ограничивший свободу книгопечатания, произвел сильное впечатление на французскую публику. Гизо же считал, что проект разумен и искренен, поскольку он имел целью освятить законным образом свободу книгопечатания и в то же время наложить на неё небольшие и временные ограничения, необходимые в начале свободного правления после сильной революции и долгого деспотизма.

В 1816 г. Гизо примыкает к группе умеренных либералов-монархистов – доктринёрам. Мыслитель утверждает, что правительство должно иметь политическую доктрину, а также социальную и нравственную философию. Осенью 1817 г. складывается сильная группа центристов (ядром были доктринёры), оформившаяся вместе с организацией «правой» (в январе) и «левой» (в августе того же года) групп. Две крайние партии, по мнению Гизо, ориентировались исключительно на прошлое. Левые отвергали настоящее во имя революции, а правые – во имя Старого порядка. Только центристы увидели уникальность текущего момента и, основываясь на конституционной хартии, создали сбалансированную доктрину или «философию реставрации». Гизо, как и доктринёры в целом, был последовательным противником любого политического экстремизма. В качестве не только политической, но и философской, задачи доктринёров (и своей собственной) Гизо видел примирение Старого порядка и главных завоеваний революции: «Доктрины, от имени которых уничтожали старое общество, должны смениться доктринами, которые позволят создать новую Францию». По мнению Гизо, доктринёров отличала смесь философского благородства и политической умеренности, разумное уважение к правам и свершившимся фактам, антиреволюционный дух, использование новых [либеральных] и консервативных доктрин, отказ от ретроградства. Идеи доктринёров казались ему одинаково пригодными и для того, чтобы возродить, и для того, чтобы завершить революцию. Благодаря этому двойственному положению партия Гизо находила точки соприкосновения как с либералами, так и с роялистами. Убежденные, что идея конституционной монархии способна соотнести идеалы 1789 г. с королевской властью и стать тем государственно-правовым фундаментом, который необходим обществу, они старались примирить свободу с порядком, конституционный образ правления с сильным правительством. Пребывая под влиянием идей Монтескьё, доктринёры были поклонниками английской политической системы, разделения властей и избирательного ценза.

Во время Июльской революции Гизо, ставший лидером доктринёров, ставит перед своими единомышленниками задачу: не допустить анархии. Сохранение дееспособной власти во время революции 1830 г. стало крупнейшей политической заслугой Гизо. С Июльской революции начался расцвет политической карьеры французского мыслителя,

завершившейся Февральской революцией 1848 г. Судьба орлеанизма была неразрывно переплетена с удачами и просчетами политического курса правительства, которое фактически возглавлял лидер доктринёров. Его политический курс, соотнесенный с либерально-консервативной доктриной, заключался в сохранении внутреннего порядка и внешнего мира во имя экономического развития страны и накопления богатств.

В главе 3 «Философия либерального консерватизма Франсуа Гизо» предпринимается попытка реконструкции философских истоков данной идеологии на основе политических работ Гизо. В разделе 3.1. «Система понятий в философии Гизо» характеризуется концептуальный строй философской системы французского мыслителя. К базовым понятиям теории Гизо относятся *свобода, порядок, цивилизация, средний класс, провидение, суверенитет, деспотизм, анархия.*

Свобода – центральное понятие французской либеральной традиции. Либеральные консерваторы, коим был и Гизо, разделяли либеральные ценности, но осторожно использовали соответствующие методы, особенно в реальной политике. Для них свобода имела несколько смыслов и коннотаций. С одной стороны, она синонимична анархии и демократии, с другой – она может оправдывать многие злоупотребления, совершенные от её имени. Понятие – «подлинная свобода» (*la vraie liberté*) характерна исключительно для либерального консерватизма, представители которого хотели дистанцироваться от «глашатаев мнимой свободы», отождествивших настоящую ценность с народовластием. Подлинная свобода – это гарантия прав и равенства возможностей.

Понятие «свобода» имеет у Гизо два противоположных значения, синтезируемых в его историософской концепции. Первое значение связано с социальным (актуальным) подходом к проблеме, второе – с нравственно-индивидуальным, а историософия говорит о синтезе общественного и личностного «фактора цивилизации».

В общественной жизни свобода всегда сопряжена с собственностью. Человек без собственности не может быть равноправным членом социального организма. В то же время Гизо считает, что человек нравственно (внутренне) свободен от общества. Последнее способно оказывать лишь внешнее влияние, но не может изменить духовный мир индивида.

Цивилизация – центральная категория историософии Гизо – это прогресс в широком смысле слова, развитие; настоящий термин неизбежно связан с представлением о народе, который движется вперед, – и движется для того, чтобы переменить не только место, но и состояние, – о народе, жизнь которого постоянно улучшается. Цивилизация невозможна без двух компонентов: усовершенствование общества и развитие личности. Это связанные процессы, поскольку по мере самосовершенствования, человек стремится улучшить окружающих.

С концепцией *цивилизация* у Гизо тесно связано понятие *Провидение*. Оно скрывает за собой сумму закономерностей исторического процесса, которая определяется экономическими и политическими причинами, а также конечным торжеством цивилизации.

Средний класс – важнейший концепт социальной философии Гизо. Это обширный социально ответственный блок, возникший в результате социального развития, занимающий в общественной иерархии пространство между аристократией и беднейшей частью населения. Ядром среднего класса является буржуазия, доступ в него открыт всем собственникам, имеющим потенциальную возможность (пассивно или активно) участвовать в легитимной политической жизни. Основной целью среднего класса и залогом его благополучия является поддержание стабильности государственной системы и порядка.

Суверенитет, высшая непроизвольная власть правителя, у Гизо – это абстрактная категория, лишенная реальной субъектности. Если у Б. Константа суверенитетом обладает народ, у Ж. де Местра – монарх, то Гизо заявляет, что ни одна власть в этом мире не является и не может быть тем, чем она должна быть, никто не имеет права называть себя сувереном, поскольку признать какой-либо реальный субъект сувереном означало бы признать его абсолютную власть и непогрешимость. Однако никакая абсолютная власть не может быть легитимной, поскольку потенциально она не исключает произвол, следовательно, на земле вовсе не существует ни суверенитета, ни суверена.

Деспотизм и *анархия* – понятия, которые Гизо использует, как правило, в тандеме. Для философа это «гнусные и пагубные факты, лежащие тяжким бременем на народах», равнозначные проявления политического экстремизма, результатом которого неизменно будет угнетение свобод, общественное волнение и унижение личности.

Раздел **3.2. «Историософия Гизо»** посвящен наиболее продуманной и завершенной части теоретического наследия мыслителя, идейному каркасу всей философской системы Гизо – его исторической теории. Историософия может существовать вне каких бы то ни было идеологий и философских систем и быть абсолютно аполитичной, однако любая разработанная политическая философия предполагает некую историческую модель, объединяющую прошлое, настоящее и будущее. Поэтому для понимания специфики политической теории Гизо необходимо рассмотреть её историософские основания.

Первые представления Гизо о историческом методе были, строго говоря, не рациональные, а скорее романтические. Прошлое, на которое он смотрел глазами исследователя в 1812 г., было как нечто *Другое* по отношению к настоящему. Гизо в своих первых лекциях уделял немало внимания *эмпатии*. Для него этот метод состоял из двух этапов: анализ собственных мыслей, переживаний на основе самонаблюдения и умозрительное помещение себя на место другого.

Гизо также развивает взгляды, которые в будущем оказались в фундаменте истории идей и цивилизационного подхода. В частности, он считает, что каждая эпоха и любая цивилизация дают нам некий комплекс доминирующих идей, самые ценные из которых не только становятся маркерами своего времени, но и развиваются на протяжении многих веков.

Гизо ищет в истории объяснение современных ему проблем. Он считает, что в основе политического конфликта начала 1820-х гг. лежит старая романо-германская проблема борьбы между враждебными народами, завоевателями и покоренными, которые сражались на территории Франции в течение тринадцати веков. Вся история государства – это история борьбы между этими силами. Революция 1789 г. стала генеральным сражением, которое дал побежденный народ своим покорителям. Гизо рассматривает французскую историю как борьбу двух огромных социальных групп, переломным моментом которой является Французская революция, поменявшая местами «победителей» и «побежденных». Современная Франция это страна победившего третьего сословия, свидетельством же победы является Хартия 1814 г., которая поставила короля во главу новых завоевателей. Именно по этой причине, критикуя реакцию в целом и ультрароялистов в частности, Гизо не подвергает нападкам ни престол, ни фигуру короля. Указывая на истоки политического противостояния в современной ему Франции, Гизо создает оригинальную историческую концепцию классовой борьбы.

В центре историософии Гизо находится проблема телеологии. Мыслитель убежден, что человечество имеет общее предназначение, что существует передача сокровищ цивилизации из поколения в поколение и, следовательно, существует всеобщая история цивилизации. Между событиями человеческой истории есть связь, которую не трудно обнаружить, если рассматривать отрезок пройденного уже пути. Никакой исторический факт не уходил в небытие без последствий, но имеет свой смысл и результат. Каждое действие народа и его правителей либо что-то вносит в копилку цивилизации, либо забирает из неё. Цель, к которой движется человечество – создание справедливого и нравственного общества, объединенного цивилизацией.

Историческая концепция Гизо предполагает существование общечеловеческой цивилизации, однако не перестает быть от этого европоцентричной. Историческая роль государства заключается в том, что оно выступает централизующей силой, продолжительное воздействие которой может укреплять и расширять общество, сделать его обширным и благоустроенным. Таким образом, для Гизо ослабление государства равнозначно ослаблению цивилизации (замедлению прогресса).

Для Гизо как для политического теоретика историософия выходит за рамки вспомогательной дисциплины или набора аргументов в парламентской дискуссии, но является важнейшей частью его политической теории, объясняющей исторические права и перспективу его политического проекта.

Раздел **3.3. «Свобода, равенство и власть в либеральном консерватизме Гизо»** посвящен важным проблемам политической философии Гизо. Предлагается развернутый контекстуальный анализ концептов «свобода», «равенство» и «власть» в их взаимоотношении.

Либерально-консервативный синтез в политической философии Гизо становится очевидным при обращении к категории свободы. Свобода – основополагающая идея либерализма – невозможна без порядка, а порядок невозможен без сильной центральной власти («Свобода и порядок» – девиз орлеанистов). Для создания фундамента свободы необходимо конституционное правление, гарантирующее права граждан, а «яростные декламации, чрезмерные амбиции, дух враждебности» ведут к угнетению. Цель всякого правления заключается в достижении безопасности настоящего, которая подготавливает и гарантирует безопасность будущего.

Гизо убежден, что во время реакции в опасности находится не только свобода, но и сама власть. Примирение власти и свободы помогает в борьбе с экстремистскими силами, цель которых не допустить подобного союза: правые (роялисты) посягают на свободу, которая кажется им непомерно большой, левые (революционеры) посягают на власть, которая видится им чересчур сильной. Власть должна даровать людям безопасность и успокоение, получение которых делает граждан трудолюбивыми и усердными по отношению к государству.

Свобода может быть ограничена, если ставит под угрозу порядок или нормальное существование государства, – мысль эта развита Гизо со всей обстоятельностью в большой статье «Некоторые соображения по вопросу свободы прессы». Философ доказывает преимущества «тишины, порядка и стабильности» и говорит о необходимости благоразумных гарантий этого порядка, а также указывает на губительные последствия, вытекающие из его нарушения. Свобода прессы оправдана только в развитом обществе, она всегда будет большим испытанием как для правительства, так и для граждан, потому что может вооружить анархию или тиранию.

Гизо выступает за сильное государство, которое способно не только декларировать, но и обеспечивать свободы, а также оберегать спокойствие граждан от посягательств радикалов, особенно в периоды, когда свобода только завоевана; власть должна дать гражданину успокоение. Государство, согласно Гизо, самый важный политический

субъект. Задачи государства обширны, для их выполнения нужны силы и полномочия, которые находятся в различных институтах и закрепляются законами. Любыми законными способами власть должна получить полномочия.

Проблема равенства была одной из важнейших во французском политическом поле со времен революции. Гизо принимает принципы Декларации прав человека и гражданина, а также идеи Просвещения, однако отмечает, что главным образом речь идет о равенстве перед законом, потому что всеобщее равенство сделало бы невозможной свободу. Мыслитель часто использует не понятие «равенство» (*égalité*), а понятие «неравенство» (*inégalité*). Вслед за Монтескье и Констаном Гизо говорит о разной степени природной одаренности людей и всеобщем интеллектуальном неравенстве. Подобное неравенство является не тормозом, а источником прогресса, потому что стимулирует людей к самосовершенствованию, на нем зиждется конкуренция. Гизо категорически против теорий и попыток уничтожения естественного неравенства, он убежден, что их итогом станет деградация экономическая, политическая и социальная.

Раздел 3.4. «Концепция среднего класса как социальной основы либерального консерватизма» посвящен центральной теме социальной философии Гизо.

Оформление идеи среднего класса предшествовало его реальному появлению в качестве элемента социальной структуры. Это подтверждается записями Гизо относительно состава этой прослойки. Мыслитель говорит, то о буржуазии, занимающей промежуточное положение между старой аристократией и беднейшей частью населения, то о средних классах во множественном числе, обнажая неоднородность буржуазной среды, которая включила в себя многочисленные группы различного имущественного состояния (от рантье, торгово-промышленной буржуазии до чиновников, университетских профессоров и служащих). Неопределенность эту автор пытается нивелировать признанием высокой вертикальной мобильности французского общества, где «средний класс» открыт и постоянно расширяется за счет вливания в него представителей других социальных групп по мере развития их материального благосостояния и повышения интеллектуального уровня.

Среднему классу присуща умеренность и разумность, его представители, по мнению Гизо, советуются, говорят, руководствуются здравыми интересами и не способны ни к слепой преданности, ни к самопожертвованию. Для них преданность не исключает здравого смысла, а мужество – разума.

Средний класс, по мнению мыслителя, должен оказывать решающее влияние на функционирование политической системы, поскольку он обладает «политическим разумом» и чувством справедливости. Основной целью и залогом благополучия этой

группы является поддержание стабильности государственной системы. Если англосаксонский «middle class» немногочисленный и выступает двигателем, локомотивом развития (буржуазия в традиционном понимании), то французские «les classes moyennes» (они же «bourgeois», «bourgeoisie», «les couches moyennes»), включившие в себя помимо буржуазии, широкий слой собственников, служащих, чиновников и преподавателей, являются опорой политической системы и государства.

Раздел **3.5. «Проблема суверенитета в философии Гизо»** посвящен одному из наиболее популярных и плодотворных направлений в политической философии XIX столетия. Критикуя теории, овеещающие суверенитет, Гизо считает, что следует отрицать существование какого бы ни было суверенитета на земле; либо, если таковой и существует, следует отдать ему должные почести, отказаться от какого бы то ни было сопротивления и покориться.

Согласно Гизо, никакая абсолютная власть не может быть легитимной, поскольку потенциально она не исключает произвол, следовательно, на земле вовсе не существует ни суверенитета, ни суверена. Ни народ (и отдельные его представители), ни монарх не могут претендовать на высшую произвольную власть правителя и существовать вне нормально действующего правопорядка. Если человек по природе своей несовершенен и подвержен заблуждению, то никакая непогрешимая и совершенная власть, никакая власть, наделенная истинным *суверенитетом по праву*, не может ни оказаться в руках человека, ни происходить из недр человеческого общества. Однако, согласно Гизо, этот факт не захотели признавать ни народы, ни их правители: одни бесконечно искали надежной защиты абсолютно легитимной власти, другие стремились добиться суверенитета по праву, а вместе с ним и беспредельной, ни от кого не зависящей легитимности.

Гизо выводит проблему единого суверенитета в сферу чистой абстракции и утверждает, что единственно легитимным по природе своей является разум, истина, справедливость. При этом мыслитель утверждает, что данные категории постижимы для человека.

В реальной политике теория суверенитета Гизо означала отказ от расширения избирательного корпуса, чтобы исключить из политической жизни неподготовленные для этого слои населения, не обладавшие имуществом и должным образованием. Гизо, как и все орлеанисты, считает, что народный суверенитет недопустим, поскольку на практике он сводится к «суверенитету городской площади» и суверенитету индивидов, т.е. анархии. По мнению Гизо, не народный или монархический суверенитет должен управлять обществом, а суверенитет неподвижный и бессмертный, суверенитет разума.

Глава 4 «Истоки политической философии Токвиля» посвящена становлению мировоззрения французского мыслителя. В разделе **4.1. «Истоки мировоззрения Токвиля»** проанализирован генезис его мировоззренческих установок, определен перечень идейных предшественников. Система взглядов Токвиля на человека и общество выработывалось на протяжении длительного времени под воздействием противоречивых влияний. Социальное происхождение и семейные традиции позволили ему стать блестяще образованным и критически мыслящим интеллектуалом. Роялистские и легитимистские убеждения, воспринятые в семейном кругу на почве страха перед революционным террором, были не очень сильны, и подвергались испытанию во время чтения сочинений просветителей. По этой же причине Токвиль оказался не восприимчив к романтической пропаганде и не питал иллюзий относительно средневекового строя. Вместе с тем Токвиль навсегда сохранил неприязненное отношение к экстремистским, радикальным режимам. Неприятие имперского деспотизма открыло для мыслителя ценность свободы. Главным источником суждений в основных работах Токвиля, являются и его конкретные наблюдения («Демократия в Америке»), и документально подтвержденные факты («Старый порядок и революция»).

Влияние Гизо на Токвиля признано некоторыми специалистами¹. На лекциях Гизо Токвиль воспринял и антиреволюционный пафос молодого профессора, который не скрывал своего отвращения перед анархией. На полях «Истории цивилизации» Токвиль отметил важнейшие принципы историософии и метода Гизо.

С того самого момента, как Токвиль ступил на американскую землю и с первых страниц его книги «Демократия в Америке», особое внимание он уделяет равенству условий в Новом свете. Мыслитель без труда установил то огромное влияние, которое оказывает равенство на все течение общественной жизни и понял, что общество становится демократичным, и демократия постепенно создает собственные учреждения и вырабатывает механизмы управления. Это заключение не было исключительно результатом наблюдения. Эмпирические данные, полученные в Новом свете, были буквально вписаны Токвилем в структуру теории цивилизации Гизо, книгу которого путешественник просил прислать ему из Франции, спустя неделю после прибытия в Нью-Йорк. Как мы знаем, предметом исследования Гизо было развитие европейской цивилизации, которое заключалось в постепенном распространении равенства условий и росте могущества среднего класса. Токвиль отказался от понятия *цивилизация* в пользу более распространенного термина *демократия*. Однако в основе значения этих понятий

¹ Л. Дъез дель Корраль, А. Жарден, А. Крейуту.

было равенство условий, как один из важнейших итогов развития современного общества. У Токвиля понятие *демократия* подразумевает тот же самый смысл, что и понятие *цивилизация* у Гизо.

В работе «Старый порядок и революции» прослеживается отчетливое влияние историософии Гизо на историческую концепцию Токвиля. Книга последнего оканчивается 1789 годом, что доказывает отсутствие интереса автора к событийной истории или хронике Революции. Токвиль в большей степени озабочен большими длительностями (*longue durée*), скрытыми под пеной фактов. Р. Поцци считает, что под влиянием подхода Гизо у Токвиля сформировался интерес к «истории больших периодов» и безразличное отношение к отдельным фактам. Очевидно, что ни Гизо, ни Токвиль не интересовались фактической историей Французской революции, вместо этого они сконцентрировались на факторах и силах, которые сделали возможными события 1789 года. В их работах Революция теряет свою специфичность и рассматривается не как качественно новое состояние общества, разрывающее ткань истории, но как «уплотнение эволюции» на пути к демократии (у Гизо – на пути к цивилизации). Самый важный тренд в истории Франции, по мнению Токвиля, заключается не в формировании национального государства и не в консолидации монархии, а в неизбежном движении к гражданскому равенству и демократии. К аналогичному выводу ранее приходит Гизо в «Истории цивилизации».

Работая в архивах над историей европейской цивилизации в свете Французской революции, Гизо обнаружил существование целой традиции представительных учреждений и местных свобод, которые были связаны с ростом влияния третьего сословия в современной Европе. Старый порядок, по мнению Гизо, характеризовало не только стремление к централизации, но и распространяющееся равенство условий и появление местного самоуправления (Токвиль затрагивает эти же самые проблемы во второй части «Старого порядка и революции»).

Исследователи отмечают интерес Токвиля к социологическому методу Гизо². В заметках на полях лекций по истории цивилизации Токвиль подчеркивает, что история цивилизации как метод стремится к всестороннему пониманию мира, исследует человека и общественную жизнь в целом; в этом свете особенный интерес представляет взаимодействие между обществом и индивидом. История цивилизации состоит из социальной истории и истории идей (Токвиль называл это *l'histoire de l'intelligence*). Первая включает в себя не только историю гражданского общества с его фактами и законами, но также историю религий, в то время как *l'histoire de l'intelligence* прослеживает развитие

² А. Жарден, А. Крейуту.

академической и популярной литературы, трансформацию идей. Эти размышления на полях лекций Гизо помогли Токвилю сформировать свой собственный исследовательский подход, который был обогащен эмпирическим материалом. А. Жарден прямо говорит, что метод исторического анализа, используемый Гизо, вновь встречается при исследовании американского общества Токвилем, который рассматривает во взаимосвязи социальные отношения и «внутреннюю жизнь» человека при демократическом устройстве. Токвиль редко ссылается на Гизо, но некоторые фрагменты из корреспонденции дают прямые доказательства огромного интеллектуального влияния лидера доктринёров на формирование мировоззрения Токвиля.

Основные источники идейного влияния можно разделить на три группы: традиционалистско-легитимистская доктрина, в основе которой лежит антиреволюционная реакция; философия просветителей, в которой наибольшие симпатии Токвиля вызывают взгляды Монтескьё, а важнейшая для Токвиля теория Руссо, тем не менее, часто оказывается в фокусе критики; идеология умеренного либерализма доктринёров, выступавшая равным образом против имперского деспотизма и революционного террора. В мировоззрении Токвиля, так же. Как у Гизо, присутствовали как либеральные, так и консервативные ценности.

В разделе **4.2. «Политическая карьера Токвиля»** освещаются основные этапы общественной и государственной деятельности Токвиля. В двух обращениях к избирателям округа Валонь в 1837 и 1839 гг. Токвиль продекларировал свои политические принципы, которые не менялись на протяжении его карьеры и чрезвычайно важны для понимания его политической философии: личная и моральная ответственность депутата перед избирателями; независимость депутата от правительства и политических группировок; последовательность и постоянство в осуществлении своей политики; честность и порядочность политика; гласность в осуществлении политической деятельности и ответственность депутата перед избирателями.

Токвиль, опробовав свои силы как в исполнительной, так и в законодательной власти, не смог добиться на политическом поприще крупных успехов. Принимая либеральные и консервативные ценности, он стал проводником политики либерального консерватизма, которая потерпела неудачу во многом из-за личного склада мыслителя. Он предпочитал академическую работу публичной деятельности, письмо – устным выступлениям. Тем не менее, фигура Токвиля значима во французской политической истории XIX столетия, мыслитель вошел в плеяду французских философов-практиков, политические теории которых во многом легли в основу их государственной деятельности или были скорректированы ею.

В главе 5 «Философия либерального консерватизма Алексиса Токвиля» предпринимается попытка реконструкции философских истоков данной идеологии на основе политических работ Токвиля. В разделе 5.1. «Система понятий в философии Токвиля» характеризуется концептуальный строй философской системы французского мыслителя. Естественно Токвиль использовал известные политико-философские понятия, встречающиеся в многочисленных сочинениях его современников: *демократия*, *аристократия*, *свобода*, *равенство*, *деспотизм*, *революция*. Автор не дал строгих определений этим терминам, но старался избежать двусмысленности в их употреблении.

Демократия – сложнейшее понятие политической философии Токвиля. Несмотря на то, что оно вынесено в заголовок первого трактата мыслителя, Токвиль по-разному использует этот термин. Сначала философ говорит о нем как о стремлении к уравниванию всех сторон жизни общества. Он полагал, что это стремление является наиболее важным и неизбежным плодом Французской революции, и именно этому феномену он уделял самое глубокое внимание. В то же время Токвиль использовал этот термин для обозначения «не самой искусной формы правления», которая, тем не менее, может «вызвать в обществе бурное движение, придать ему энергию и исполинские силы, неизвестные при других формах правления». Иногда «демократия» принимает у него значение слова «народ», особенно когда мыслитель говорит о непокорных массах. Этим же словом он называл всеобщее избирательное право, а также быстрое движение общества к равенству, которое сметало все привилегии, особенно в области политики. Молодой Токвиль и сам признавал определенное непонимание значения слова «демократия», поэтому одним из мотивов его поездки в Америку было как раз стремление прояснить смысл этого понятия.

Общим местом у исследователей является согласие в том, что демократия у Токвиля – это общественный строй. Демократия для Токвиля связана с проницаемостью общественной иерархии и разрушением сословного деления, со стремительным ростом власти большинства и распространением равенства, т.е. демократия – это процесс, который ведет к победе одноименного ему общественного строя. Особенностью демократического общественного строя является отсутствие сословной иерархии, распространение равенства и угроза деспотизма большинства.

Аристократия в сочинениях Токвиля определяется двумя способами: как социальный строй, предшествующий демократии, основными характеристиками которого являются замкнутость высшего класса (дворянства или буржуазии) и его ответственность перед всем обществом, или как правящая элита, будь то дворяне, буржуазия или интеллектуалы (впрочем, последних Токвиль часто относил к буржуазии).

Демократическая революция понимается как историческое развитие, представляет собой длительный по времени переход от аристократии к демократии, где в недрах старого общества зреют и развиваются элементы общества нового. Особенностью этого процесса является проникновение и распространение равенства в различных сферах общественной жизни. Этот процесс носит всемирный, а не только европейский, характер и с каждым днем все менее и менее зависит от воли людей; все события, как и все люди, способствуют его развитию.

Равенство – общественное состояние, свойственное демократии, при котором отсутствуют иерархия и барьеры между социальными слоями, люди обладают одинаковыми возможностями. Процесс достижения равенства – демократическая революция или распространение демократии, т.е. в известной степени Токвиль отождествляет равенство и демократию. Философ выделяет две тенденции, порожденные равенством: первая ведет людей к независимости и свободе, однако может внезапно подтолкнуть граждан к анархии; вторая тенденция проявляется не так быстро и не так наглядно, она целенаправленно ведет людей к закреплению и деспотизму.

Свобода – ключевое понятие политической философии Токвиля, определение которому мыслитель не дает, но объясняет его через действие. Токвиль выделяет важные политические свободы – свободу совести, печати, ассоциаций, местную свободу – и утверждает, что они способствуют изменению законов, меняют нравы. Свобода связана с народным суверенитетом. Для Токвиля суверенность народа и свобода полностью соотносимы, а цензура и всеобщее избирательное право противоречат друг другу и не могут долго сосуществовать в политических институтах одного народа.

Деспотизм – отсутствие свободы, полное подавление народного суверенитета. Токвиль считает, что деспотизм может стать инструментом политики в самую последнюю очередь, когда иные средства бессильны.

Раздел 5.2. «Соотношение свободы и равенства в либеральном консерватизме Токвиля» посвящен ключевой проблеме политической философии Токвиля, решение которой позволяет определить некий водораздел между либерализмом и демократией. Токвиль не противопоставляет свободу и равенство, не говорит об их несовместимости, нигде не упоминает о возможности установления свободы без равенства. Однако свобода для мыслителя является абсолютной ценностью, ценность же равенства, распространившегося в ходе исторического развития, относительна. Вопрос о доминировании свободы или равенства – это вопрос ведущей ценности, являющейся фундаментом общественного порядка, задающей вектор социального и политического развития. Токвиль враждебен социализму как общественному строю, в котором при

помощи агрессивного принуждения к равенству общество ставит под угрозу свободу отдельных граждан.

Обезопасить равенство может умеренная свобода, сочетающаяся с порядком. Свободный человек, по мнению Токвиля, неизбежно подчиняется обществу, но совсем не потому, что менее других способен управлять государственными делами, и не потому, что менее других способен управлять самим собой. Токвиль стал первооткрывателем противоречия между равенством и свободой и дал либеральный ответ на вопрос о соотношении этих ценностей. Он показал, как демократическое равенство может превращаться в тиранию или анархию.

5.3. «Проблема суверенитета в политической философии Токвиля». Концепция суверенитета Токвиля в целом носит доктринёрский характер и близка к основным положениям теории Гизо, но строится главным образом вокруг критики «демократического деспотизма» или народного суверенитета, возведенного в Абсолют. Главным идейным оппонентом Токвиля в вопросе суверенитета был Б. Констан (идея народного суверенитета восходит к Руссо), полагавший, что деспотизм принадлежит исключительно прошлому и не может возникнуть на почве народовластия и равенства. Токвиль не разделял беспечности знаменитого либерального теоретика и говорил об опасностях демократии и рисках индивидуализма, которые кроются в недрах гражданского общества.

Токвиль убежден, что постепенное установление равенства условий есть предначертанная свыше необходимость. Это всемирный процесс, который носит долговременный характер и с каждым днем все менее и менее зависит от воли людей. Равенство, распространившееся на сферу политического, порождает народный суверенитет, когда правами обладают все граждане, или деспотизм, когда правом обладает только один человек – тиран. Однако равенство под властью тирана – суверенитет королей – принадлежит, по мнению Токвиля, прошлому, потому что столь далеко зашедший социальный процесс не может быть остановлен силами одного поколения, а, уничтожившая феодальную систему и победившая королей демократия не отступит перед буржуазией и богачами.

Токвиль считает, что принцип народовластия так или иначе заложен в основу любых общественных институтов, но бывает более или менее заметен. С этим принципом не только считаются, но ему подчиняются, хоть и не признают. Самым непосредственным проявлением народного суверенитета служат спонтанные восстания, происходившие при любых правлениях. Воля народа или народный суверенитет, в понимании Токвиля, – это принцип формирования любого, в том числе деспотического государства, поэтому народовластие нельзя рассматривать как признак общества, где существует свобода.

Концепция суверенитета Токвиля строится в русле либерального консерватизма Руайе-Коллара и Гизо, которые полагали, что суверенитет народа должен быть ограничен во имя справедливости – «закона законов и суверена суверенов». Токвиль предлагает дифференциацию мнимого и подлинного народного суверенитета, где признаком последнего является свобода печати. Мыслитель убежден, что народный суверенитет и присущее ему равенство подавляют индивидуальные свободы во имя интересов общества. Этот процесс он называет «демократическим деспотизмом» – господством заботящихся, где гигантская охранительная власть удовлетворяет потребности, доставляет удовольствие, оберегает, охраняет и контролирует жизнь граждан. На фоне тревожных последствий демократии, Токвиль отмечает преимущества аристократического правления (суверенитета лучших), которое может принять деспотические формы, однако деспотизм при аристократии ограничен и распространяется на небольшое число подданных. Аристократическое правление, по мнению Токвиля, обеспечивает господство лучших и воздает человеку по его заслугам и добродетелям; гражданин в таком государстве не развращен мелочной опекой и имеет полную свободу.

В заключении диссертации на основании результатов и выводов, полученных в ходе исследования, подводятся итоги работы и кратко описываются философские истоки французского либерального консерватизма на материале политических теорий Франсуа Гизо и Алексиса Токвиля во взаимоотношении этих теорий с политической реальностью и интеллектуальной культурой Франции первой половины XIX века.

Публикации по теме диссертации

Работы, опубликованные автором в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки России:

- *Матвеев С. Р.* Опыт сетевого подхода к интеллектуальной истории посленаполеоновской Франции // Новая и новейшая история. 2014. № 5. С. 37-50. – 1,5 п.л.
- *Матвеев С. Р.* Концепция суверенитета в политической философии Франсуа Гизо // Политика и общество. 2014. № 6 (114). С. 689-699. – 1 п.л.

- *Матвеев С. Р.* Идея "среднего класса" в мемуарах Франсуа Гизо // Диалог со временем. 2013. № 42. С. 180-193. – 1 п.л.

Иные публикации по теме кандидатской диссертации:

- *Matveev S. R.* The Problem of Sovereignty in the Liberal Conservatism of François Guizot / Working papers by Basic Research Programme. Series HUM "Humanities". 2014. No. 63. – 0,8 п.л.
- *Matveev S. R.* The middle class concept in François Guizot's memoirs / Working papers by Basic Research Programme. Series HUM "Humanities". 2013. No. 36. – 0,9 п.л.
- *Матвеев С. Р.* Моральные и политические науки во Франции в первой половине XIX века // В кн.: Ретроспектива: всемирная история глазами молодых исследователей Вып. 8. Калининград : Издательство Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2014. С. 3-12. – 0,7 п.л.
- *Матвеев С. Р.* Ультрароялисты и гражданское общество (1814-1830): парадокс взаимодействия // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 2. С. 31-34. – 0,5 п.л.
- *Матвеев С. Р.* Политические мыслители посленаполеоновской Франции: Доктринёры // В кн.: Философия. Язык. Культура (вып.4) / Отв. ред.: В. В. Горбатов. Вып. 4. СПб. : Алетейя, 2013. С. 350-357. – 0,5 п.л.
- *Матвеев С. Р.* "Средний класс" как консервативный концепт (Ф. Гизо, А. Токвиль) // В кн.: Россия и мир в конце XIX – начале XX вв. Вып. 6. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2013. С. 88-93. – 0,4 п.л.
- *Матвеев С. Р.* Франсуа Гизо: соотношение теории и практики // В кн.: Философия. Язык. Культура (Вып.3) / Отв. ред.: В. В. Горбатов. Вып. 3. СПб. : Алетейя, 2012. Гл. 29. С. 277-288. – 0,4 п.л.
- *Матвеев С. Р.* Проблема прогресса в консервативной идеологии: Э. Берк, Ж. де Местр, М.О. Меншиков // В кн.: Россия и мир в конце XIX – начале XX вв. Вып. 5. Пермь : Издательство ПГУ, 2012. С. 84-89. – 0,4 п.л.

Лицензия ЛР № 020832 от 15 октября 1993 г.
Подписано в печать « » _____ 20__ г. Формат 60x84/16
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. Печ. Л _____
Тираж 100 экз. Заказ № _____